

Биография
творца Плоского мира

МАТИЯ

ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТА

fanzon

МАРК БЕРРОУЗ

Fanzon. Все о великих фантастах

Марк Берроуз

**Магия Терри Пратчетта.
Биография творца Плоского мира**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Сое)-8

Берроуз М.

Магия Терри Пратчетта. Биография творца Плоского мира
/ М. Берроуз — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Все о великих
фантастах)

ISBN 978-5-04-155879-6

Перед вами уникальная и полная биография сэра Терри Пратчетта. Сэр Терри был самым успешным из ныне живущих писателей Великобритании – по всему миру продано более 100 000 000 экземпляров его книг. Романы из цикла о Плоском мире переведены на 38 языков и представлены в виде фильмов, сериалов, пьес, компьютерных и настольных игр. Марк Берроуз погружается в историю Терри Пратчетта – одного из самых любимых писателей Великобритании. Детство в маленьком городке, работа журналистом и путешествие длиной в более чем 60 бестселлеров, которое привело к Ордену Британской Империи, рыцарскому званию и статусу национального достояния. «Магия Терри Пратчетта» – результат кропотливых архивных исследований, а также интервью с друзьями и современниками, которые знали настоящего человека под знаменитой черной шляпой и помогли собрать воедино полную историю одной из самых замечательных и любимых фигур британской литературы. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-04-155879-6

© Берроуз М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	8
Вступление	10
Глава 1	12
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марк Берроуз
Магия Терри Пратчетта.
Биография творца Плоского мира

© Гольдич В.А., Оганесова И.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается сэру Терри, чье имя никогда не забудут

Благодарности

Эта книга – результат целого года напряженной работы, и она вышла в свет только благодаря поддержке, щедрости и доброй воле небольшого количества людей.

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить Колина Смайта, многолетнего агента и первого издателя книг Терри. Хотя мы так и не организовали официальное интервью, он с бесконечным терпением отвечал на мои вопросы, а его превосходный веб-сайт, colinmythe.co.uk, – настоящий ключ к карте жизни Терри Пратчетта. Без него я бы не сумел проложить путь в лесах и горах Плоского мира. Также я бы хотел поблагодарить персонал библиотеки Сената, где сейчас находится большая часть архива Колина, и прежде всего Марию Кастрилло и ее команду, которые неизменно оказывали мне огромную помощь.

Книга не представляла бы интереса без вклада тех, кто в течение многих лет знал или работал с Терри. Эти люди помогли мне увидеть человека за шляпой. Огромное спасибо Дэвиду Лэнгфорду, Роджеру Пейтону, Робу Хансену, Чарльзу Платту, Кристоферу Присту, Роберту Рэнкину, Найджелу Плейнеру, Эду Джеймсу, Джулиусу Уэлби, Ивану Спэрроу, Дженнис Рейкрофт (а также Хелен Кларк), Мартину Уэйнрайту, Джеральду Уокеру, Тони Бушу, Барбаре Штайнберг, архиву Джоша Кирби и замечательной Джо Флетчер, каждый из которых добавил щепотку (в некоторых случаях пригоршню, а то и целый вагон) столь необходимых специй для данного блюда.

Моя огромная признательность Джейсону Ринсвинду Энтони-Роуландсу и в особенности Рейчел Энтони-Роуландс из невероятно разностороннего Ежемесячника Плоского мира (DiscworldMonthly.co.uk), ставшими совершенно неоценимым источником в данном предприятии. Я буду навсегда благодарен за их помощь, и за мной остается выпивка на DWCon.

Я также хотел бы сказать спасибо Нилу Гейману, Рианне Пратчетт, Робу Уилкинсу, Стивену Бриггсу, Полу Кидби, Бернарду и Изабелле Пирсон и в особенности фонду сэра Терри Пратчетта за их участие в этой работе.

Книга никогда бы не увидела свет без энтузиазма и терпения моего редактора (и охотника за талантами) Кейт Богданович, которой пришлось разбираться с множеством нервных и нетерпеливых посланий по электронной почте. Она также заслужила бутылку чего-то хорошего за то, что позволила мне сохранить больше шуток, чем я рассчитывал, среди прочего, о помощниках редактора. Спасибо всем из Pen and Sword, в особенности Лори, Эйлин, Джонатану, Лауре и Алисе.

Я хотел бы поблагодарить Аманду Ангус за ее орлиный глаз при чтении корректуры и вовремя сделанные замечания, которые помогли мне больше, чем она могла представить. Неужели прошло так много времени? Я бы также хотел сказать спасибо Эндрю, Энди и Джек за то, что помогли мне отвлечься – иногда это было совершенно необходимо.

И, наконец... без моих родителей и деда, которые в 1992 году вручили одиннадцатилетнему мне романы «Цвет волшебства» и «Стража! Стража!», я бы никогда не пустился в столь рискованное путешествие. Вот почему за это и миллион, нет, миллиард других вещей я буду вечно говорить вам спасибо.

Если вам понравилась книга, вы можете поблагодарить указанных людей. Если нет, это лишь моя вина.

*Марк Берроуз
Декабрь 2019 года, Лондон.*

Предисловие

Трудно должным образом оценить Терри Пратчетта. Поначалу может сложиться впечатление, что он этакий Санта-Клаус. Белая борода, запоминающаяся шляпа, доставка подарков (по меньшей мере) раз в году, обычно на Рождество. Но он гораздо сложнее, чем этот святой, и куда незауряднее своего аналога, Санта-Хрякуса, и неважно, как сильно вы любите колбаски. Пратчетт знал, что добро далеко не всякий раз вознаграждается, а зло не всегда получает уголек в новогодний чулок. Он не сомневался, что добродетель уже сама по себе награда, и никто другой не станет вас особенно благодарить. Он знал, что люди, по сути своей, не являются плохими или хорошими, и желание приписать их действиям что-то еще приведет лишь к безумию. Он научил меня – всех нас – гораздо большему, чем Санта-Клаус за все долгие годы своей деятельности. Вот почему значение Терри Пратчетта не следует преуменьшать до веселого портрета Санты.

Как и большинство книжных червей моего поколения, я не помню, когда в первый раз увидела книгу Терри Пратчетта. Они словно всегда были со мной, а яркие цвета и изощренные рисунки Джоша Кирби¹ зазывали меня, хотя отсутствие картинок внутри указывало, что книги предназначены для более взрослых читателей. Наконец, я взяла в местной библиотеке «Мора, ученика Смерти» и моментально влюбилась в интонации и язык этого проклятого Плоского мира. В течение нескольких лет я поглощала все произведения Пратчетта, до которых могла добраться, а потом перечитывала снова с самого начала (я и сейчас иногда так поступаю, когда мне требуется поднять настроение). В возрасте 17 лет я решила сдавать вступительный экзамен в Оксфордский университет и обратила внимание на то, что в экзаменационных листах по английскому языку всегда имеется вопрос: «Включить в список любого не указанного здесь писателя». Ага! Значит, у меня будет шанс целыми днями читать книги про Плоский мир и называть это учебной, вместо того чтобы корпеть над еще одним эссе по Шекспиру. Я так и не узнала, помог или помешал мой ответ, но мне всегда нравилось думать, что помог (экзамен я, кстати, прошла). В конце концов, все уважаемые журналисты сравнивают Терри Пратчетта с Чарльзом Диккенсом (не самая лучшая похвала, на взгляд меня-подростка), поэтому я считала, что неплохо справилась.

Я никогда не писала Пратчетту восторженных писем, и, с одной стороны, не хотела тратить его время, а с другой – сомневалась, что мне есть что сказать, кроме: «О, Господи, почему вы такой великий? Давайте дружить?» Возможно, мне и сейчас нечего добавить, если не считать того, что я последовала по его стопам и стала журналисткой и писательницей. Но когда Марк Берроуз попросил меня представить эту с любовью написанную книгу, на которую было потрачено столько усилий, у меня появился шанс восполнить потерю, потому что книга Марка – дань любви и уважения. В ней рассказывается, как парень по имени Терри Пратчетт стал *сэром* Терри Пратчеттом, как он оттачивал свое писательское мастерство с самых ранних произведений, пока не научился писать по несколько блистательно остроумных историй каждый год. Так возник детальный, законченный портрет человека, который «вовсе не веселый эльф», как выразился Нил Гейман, но и не старый скряга, коим иногда Пратчетт любит представляться. Жизнь, описанная Марком, в своей обычности и экстраординарности не может не вдохновлять.

Дело в том, что Терри Пратчетт всегда забавен, неизменно умен, далеко не равнодушен, но еще и полон ярости, и именно сочетание всех этих компонентов заставляет его работы петь. Я сравнительно начитанный человек, но фразы и теории из его книг эхом повторяются у меня

¹ Джош Кирби (1928–2001) – художник обложек многих научно-фантастических книг, в том числе романов серии «Плоский мир» Терри Пратчетта. (Примеч. пер.)

в голове чаще, чем чьи-то другие, именно благодаря наполняющему их бурлящему озорству. Экономическая теория «сапог» Ваймса – чрезвычайно полезный инструмент, объясняющий дороговизну бедности. Экцентричное сострадание и справедливое уважение его Смерти есть вдохновляющая альтернатива религии. А «головология» матушки Ветровоск исследует человеческие слабости лучше, чем любые философские учебники. И совсем не случайно она появляется и в «Пастушьей короне», последней книге Пратчетта. В матушкиных способностях и пронизательности несгибаемой убежденности в том, что правильно, много от самого Терри Пратчетта. Но он присутствует и в ее старательно спрятанном добром сердце.

Многие из самых запоминающихся персонажей Пратчетта в конце развиваются в одном и том же направлении. Ваймс становится семейным человеком и неподкупным гражданином, который, сидя за своим письменным столом, бросает пронзающие насквозь взгляды на весь мир (как фирменные пирожные «буравчики» в гномьей кулинарии на Цепной). Матушка становится в большей степени наставницей молодой ведьмы Тиффани Болен, чем главной героиней романа. По мере того как болезнь Пратчетта ограничивала его физические возможности, у главных персонажей также начали возникать сложности, во всяком случае, в том, что касалось их тел. Но в последние годы и в последней книге есть еще и Тиффани. И его самая юная героиня обретает силу, становится лидером в постоянно меняющемся ландшафте Мела, и мир остается в надежных руках. И это не случайность. Даже в самом конце Терри Пратчетт смотрел вперед, выказывая надежду, вопреки опыту, он верил, что новое поколение может оказаться мудрее и лучше предыдущего.

Его неизменный оптимизм сдерживал гнев на несправедливости и глупость мира и сиял вместе с его юмором. Вот почему сравнение с Санта-Клаусом не *совсем* абсурдное. Человек, которого Марк открывает нам, под маской цинизма и осторожности, как мне кажется, верил в людей, ведь он писал книги, делающие нашу жизнь лучше. И за это я всегда буду ему благодарна.

«Человек не умирает до тех пор, пока звучит его имя».

ГНУ Терри Пратчетт.

*Хелен О'Хара²,
2020 год.*

² Хелен О'Хара – писатель и журналист, главный редактор журнала Empire.

Вступление

Я упустил свой единственный шанс встретиться с Терри Пратчеттом. Он был моим любимым писателем с одиннадцати лет, в начале девяностых, но меня никогда не привлекала идея стоять в очереди, чтобы подписать книгу или участвовать в конвентах. Меня вполне устраивало почитание автора у себя в спальне посредством маниакального чтения его произведений, ну и еще я регулярно допекал своих друзей цитатами.

В 2010 году Терри пригласили в качестве гостя на передачу BBC Radio 4 «Музей любопытства» (The Museum of Curiosity), созданную моим другом Дэном. Дэн знал, что я большой любитель книг Пратчетта, и позвал меня на запись, но по какой-то причине – теперь, через десять лет, я уже не в силах ее вспомнить, – я не смог принять в ней участия. На следующий день Дэн рассказал, как после шоу они с Терри Пратчеттом и его ассистентом Робом Уилкинсом замечательно провели время в баре, обменивались шутками и болтали о различных проблемах мира. Я пришел в ужас. Так я упустил шанс свободного общения со своим самым любимым автором всех времен. И тогда я решил, что должен с ним подружиться, взять интервью или хотя бы похитить Терри Пратчетта – иными словами, любой ценой добиться с ним встречи.

Но, как это ни печально, такого шанса мне больше не представилось. Я попал на конвент Плоского мира в 2012 году, но мне не удалось взять интервью, а Терри, по мере того как его здоровье ухудшалось, существенно сократил свои появления на публике. В общем, я так и не познакомился с Терри Пратчеттом. Быть может, оно и к лучшему – все, кто его знал, часто повторяли, что Терри не переносил глупцов. Так как я считаю себя совершенно неизлечимым глупцом, возможно, даже в мои лучшие дни наша встреча прошла бы не лучшим образом.

Я заговорил об этом за чашкой чая с Джо Флетчер, приятельницей Терри, которая одно время была его редактором, и спросил, не согласится ли она дать мне интервью для моей книги. И она задала встречный вопрос, который раньше не приходил мне в голову. Если я не знал Терри Пратчетта, если никогда *не встречал* Терри Пратчетта, почему я хочу написать о нем книгу? Я ушел с той встречи, размышляя над ответом. И вот что придумал.

Моя книга – единственный для меня шанс встретиться с Терри Пратчеттом. Кстати, как и ваш. Это *наши* шанс изучить его бесконечно завораживающую и долгую (хотя и недостаточно) жизнь, его ум, его колючий характер и, если уж быть честным до конца, невероятную дотошность, все, что имеется в каждой из его книг, начиная от «Людей ковра» и заканчивая «Пастушьей короной».

Увы, Терри Пратчетта гораздо больше, чем я способен вместить в эту биографию. Наверное, следовало написать эссе на каждый из его романов, а также отдельную книгу о деяниях поклонников. Один только форум alt.fan.pratchett мог бы занять целый том. Я старался придерживаться наиболее значительных фактов и событий жизни Терри Пратчетта, повлиявших на его работу, а также примеров из книг, основанных на его жизненном опыте.

И тут я должен кое о чем вас предупредить. Не верьте всему, что читаете. Одним из самых любимых авторов Терри Пратчетта был Марк Твен, величайший американский сатирик, рассказчик небылиц и приключенческих историй. Твен известен тем, что он тщательно шлифовал свои истории; а работы, которые он представлял как автобиографические, имели лишь минимальную опору на исторические факты. Намек на это – часто совершенно непреднамеренно – можно найти и в воспоминаниях самого Терри. Многие из доведенных им до совершенства историй – если вам удавалось докопаться до настоящих событий – оказывались куда занимательнее, чем способна преподнести нам реальность. Он рассказывал их так много раз, что потерял границу, за которой заканчивались факты и начиналось их приукрашивание. Как он сам однажды сказал во время вступительной речи в колледже «Тринити» в Дублине, где получил должность почетного профессора, «мое подсознание автора и в прошлом журналиста,

вероятно, верит, что каждая цитата только выиграет от легкой, но искусной полировки. Как однажды говорил Дуглас Адамс – если я правильно помню, – «после того, как ты так часто рассказываешь о себе, то уже и сам не очень уверен, что произошло на самом деле».

Я постарался выделить истории с возможными преувеличениями или подчеркнуть места, о которых существуют иные точки зрения. Где-то я почти уверен в излагаемых фактах, в других случаях лишь догадываюсь об этом, о чем и сообщаю, а порой рисковал и верил автору, но ведь он вполне мог быть ненадежным свидетелем. К тому же, кто мы такие, чтобы утверждать, какая из версий является истинной? Более того, в бесконечной вселенной, на квантовом уровне, *каждая* версия истинна и правомерна. Вопрос в том, чтобы выбрать удобную вам «штанину времени». И, если вы не в состоянии сами принять решение, всегда можно получить удовольствие, задержавшись в области перед штанинами.

Однажды, в будущем, ассистент и друг Терри Роб Уилкинс, которого Нил Гейман называл «представителем Терри на Земле», наконец допишет его биографию, основанную на записях Терри и собственном опыте. Быть может, тогда мы и получим ответы на некоторые вопросы или – кто знает? – возможно, и нет. Терри учился на журналиста, но также рассказывал самые разные истории, что далеко не всегда одно и то же. Вы получаете ту правду, какую он сам хотел до вас донести.

Год, который я провел, работая над этой книгой, был одним из самых счастливых в моей профессиональной жизни. У меня возникало ощущение, будто я каждый день встречал Терри, *мою* версию Терри, и получал удовольствие, проводя с ним время. Надеюсь, вы испытаете такие же чувства.

Глава 1

Однажды

Давайте начнем так, как мог сделать Терри...

Мы видим вселенную, усеянную звездами, расчерченную хвостами комет.

Здесь нет черепашек, но вид все равно впечатляет.

Смотрим.

Позволим диковинному сферическому миру неуклюже вкатиться в поле зрения, подобно бильярдному шару после неудачного удара в снукере. На нем видны континенты, и океаны, и шапки ледников, и вы готовы поклясться, что они стали немного меньше с тех пор, как вы в последний раз на них глядели.

Смотрим...

...на промокший от дождей остров на верхней правой части шара и зеленое пятно посреди стальной голубизны и...

...смотрим...

...на юго-восток острова. Находим самый большой город, этот расплывшийся туманный клубок серого цвета, затем позволяем глазам скользнуть немного левее и выше; туда, где заметно больше зеленого между серыми кусочками, и...

...смотрим...

...на большую деревню или маленький городок (кому как), окруженный лесами и холмами, и...

...смотрим...

...на крошечную библиотеку, точнее, две комнаты, заполненные книгами. Не слишком большие комнаты. И все же это библиотека. И...

...смотрим...

...на маленького для своего возраста мальчика, пытающегося засунуть слишком много книг в школьный ранец. Это Теренс Дэвид Джон Пратчетт, возвращающийся домой в расположенный неподалеку Форти-Грин, чтобы погрузиться в мир слов. Его ногам потребуется лишь несколько минут, чтобы туда добраться, но слова унесут его очень, очень далеко.

На самом деле Форти-Грин в Бакингемшире, Англия, уже давно должен был перестать существовать. Это одна из тех крошечных деревушек, простоявших на своем месте так долго, что они остаются на карте исключительно по привычке. Согласно переписи 1881 года, там было десять домов, а семьдесят лет спустя их число едва-едва удвоилось в количестве. Соседний городок Беконсфилд постепенно разросся и полностью поглотил деревушку вместе с ее соседями – Нотти-Грин и Холтспур.

Форти-Грин – это место, где заканчивается Беконсфилд, точно листок, приставший к игрушечной лодочке. За его границами на многие мили тянутся холмы, поросшие лесом, пруды, ручьи и рощи. Терри Пратчетт вырос вместе с Чилтерн-Хилс, сыгравшим в его детстве роль садика на заднем дворе. Идеальный ландшафт для приключений мальчика, вооруженного необузданным воображением и велосипедом. Шир начинался от самого порога его дома.

Терри родился 28 апреля 1948 года в родильном доме в Кинеллане, Беконсфилд. Его родители, Дэвид и Эйлин, поженились в соседнем Эмершеме в 1942 году, но решили подождать, прежде чем заводить детей. В их жизнь, как позднее рассказывал Терри в передаче BBC Radio 4 «Диски Необитаемого острова» (Desert Island Discs), ворвалась Вторая мировая война. Дэвиду было ровно 19 лет, когда она началась, и он пошел добровольцем в *BBC Великобритания*, как только ему исполнился 21 год. Он воевал рядом с Карачи, в стране, которая тогда называлась Британской Индией, а теперь – Пакистан, вернулся в послевоенную Англию, пере-

жившую бомбежки и нормирование продуктов и отчаянно желавшую рожать детей. Тем не менее в отличие от многих других представителей их поколения, немедленно приступивших к восстановлению количества населения, прошло три года, прежде чем Эйлин забеременела. Терри также не спешил явиться в мир, родившись на несколько дней позже положенного срока.

Семья жила не богато, но и не бедствовала. В течение всего детства Пратчетта Дэвид и Эйлин работали, отец – автомехаником³, а мать – секретаршей. Оба прекрасно подходили для своих профессий. Дэвид был мастером на все руки, он делал самые разные вещи и чинил их, возился с радиоприемниками и постоянно занимался реализацией множества проектов. Между тем Эйлин отличалась практичностью и организованностью, любила книги. Они жили в небольшом коттедже без электричества, и им приходилось делить один водопроводный кран (с холодной водой) с семьей из соседнего дома. Через день Дэвид брал шланг и наполнял для домашних нужд цистерну на кухне. Освещался дом газовыми лампами и свечами, и Эйлин покупала огромные батареи для работы радиоприемника. Кроме того, они пользовались передвижной туалетной кабинкой – сиденьем с резервуаром, стоявшим в сарае, – его опорожняли раз в неделю вручную, чтобы удобрять помидоры, росшие в глубине сада. По современным стандартам такая жизнь представляется тяжелой, но в конце сороковых в Британии подобная ситуация считалась вполне нормальной для семей рабочего класса. Терри говорил, что в те годы после «Лондонского блица»⁴ следовало радоваться, что у тебя вообще есть дом.

Пратчетты были самой обычной британской семьей тех времен, а Дэвид и Эйлин – хорошими родителями, пусть внешне и не очень нежными. Внучка, Рианна, описала их в 2018 году в очерке для *The Guardian* как добрых, но суховатых людей, не склонных к демонстрации чувств⁵. Они выражали любовь через творческое начало в ремесле. Дэвид помогал сыну делать тележки и строить домики на деревьях, они вдвоем мастерили собственные коротковолновые радиопередатчики и даже вступили в Чилтернский клуб радиоловителей, где получили позывной «Самогон R1155». Большая часть карманных денег Терри уходила на покупку батареек, конденсаторов и прочих электрических деталей. Дэвид ужасно гордился сыном, когда тот оборудовал электричеством садовый сарай и, используя магнитный генератор, получил удар током, когда коснулся рукояти.

Эйлин же часто общалась с Терри, поощряя того к чтению, и старалась развивать его воображение. У нее были ирландские корни, и она рассказывала сыну разные легенды, знакомила с фольклором, обращаясь к воспоминаниям, сохранившимся у нее в памяти от общения с собственной бабушкой. Умная и образованная женщина, знавшая множество забавных историй, Эйлин обладала необычным чувством юмора – к примеру, назвала домашнего любимца черепаху Фидиппидом в честь греческого героя, пробежавшего от Марафона до Афин после сражения. Терри рос, познавая иронию, когда гулял в домашнем саду, поедая салат-латук. Эйлин любила «придать блеск» истории, и привила эту привычку сыну, который часто корректировал собственные анекдоты, чтобы сделать их более эффектными. Она же первой поддержала Терри, когда он решил заняться писательством.

Но попытки написания первых рассказов и даже чтение пришли в мир Терри довольно поздно. Сначала его творческие способности проявлялись в мечтательности, любопытстве и склонности к самоанализу. Он часто описывал людей, используя понятие цвета, говорил, что

³ Во многих очерках о Пратчетте его отца называют более высоким словом «инженер», что технически не совсем верно. Дэвид Пратчетт не строил паровые машины и не конструировал мосты; он чинил автомобили, что само по себе являлось серьезной работой, требующей мастерства, так что нет нужды заниматься преувеличениями. Миру пришлось бы очень непросто без механиков. (*Примеч. авт.*)

⁴ Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941 года. (*Примеч. пер.*)

⁵ Это многое объясняет в книгах Пратчетта. Если честно, кого из его персонажей можно назвать любителями «обнимашек»? (*Примеч. авт.*)

ему кто-то нравится, потому что он «пурпурный» или «коричневый», но это не имело отношения к цвету кожи. В детстве его воображение меняло мир, создавало возможности и сценарии, далекие от приземленной реальности, которая его окружала. Он вспоминал, как однажды возвращался из школы домой через старую каменоломню и представил диковинную доисторическую рыбу, плавающую по стенам и полу мелового карьера, как в воде. Старый железный остов кровати в саду превращался в пиратский корабль, летающую тарелку или замок, как в тот момент требовало его воображение. В пять лет мать привела его в универмаг «Геймаджес» в Лондоне, чтобы показать Санта-Клауса. Ошеломленный рядами игрушек на полках, ярким светом и мерцанием огней, Терри потерялся и бродил по магазину один. Запаниковавшая Эйлин нашла его на эскалаторе, погружившимся в мир грез. Для юного Терри магазин стал вселенной безграничных возможностей. Этот опыт навсегда остался с ним и вдохновил на написание детского романа «Угонщики». Позднее, в 2005 году, он рассказал на конвенции в Блумингтоне, штат Миннесота, что многие идеи, которые легли в основу Плоского мира, родились у него именно тогда.

Терри вырос в системе англиканской церкви, но лишь из-за того, что к ней принадлежало большинство. Он посещал церковь в школе, ходил в воскресную школу в жестяном шатре⁶ (в 2012-м он рассказал в интервью *The Scotsman*, что, возможно, воскресная школа являлась лишь поводом для родителей заняться в его отсутствие чем-то личным). Как и родители, он женился в англиканской церкви. Много позднее он расскажет *Telegraph*, что, хотя в течение всей своей писательской карьеры он открыто критиковал организованную религию, англиканская церковь нравилась ему тем, что она прекрасно подходит английскому национальному характеру. Оба его родителя исполняли все необходимые обряды для видимости, и вера в бога едва ли влияла на их семейную жизнь. Когда местный vicar нанес им неожиданный визит, он заметил фигурку Будды, которую Дэвид Пратчетт привез с войны. Он тут же объявил ее «языческой иконой», за что Эйлин тотчас выставила его за дверь.

Среди предков Эйлин имелись католики, но влияние католицизма мгновенно исчезло, как только один из благочестивых членов семьи не одобрил ее брак в лоне англиканской церкви и объявил, что ее дети будут внебрачными⁷. Единственным упоминанием о католических корнях Эйлин в доме Пратчеттов было старое распятие, которое она хранила до самой смерти. Терри обратил на него внимание в шесть лет и, к удивлению матери, пришел к выводу, что Христос, так похожий на живого человека, висит на кресте, точно воздушный гимнаст. Религия так мало значила в его жизни, что он просто ее не признавал. Ее образ появится позднее в научно-фантастическом романе «Страта».

Тем не менее базовое христианское послание сумело проникнуть в его сознание в варианте «облегченного Иисуса», как он сказал в 2013 году в Сиднейском оперном театре, «люди знают, что сказал Иисус, – в основном то же самое говорят Билл и Тед, – просто будьте добры друг к другу, а больше ничего и не надо. Это хорошее начало, вам не требуется ходить в церковь, нужно лишь принять «золотое правило». Духом его слов будут пронизаны все книги, где законы элементарной порядочности станут постоянной темой.

Когда Пратчетт говорил о своем раннем детстве, он чаще всего использовал слово «идиллическое». Бесконечные поля, окружавшие Форти-Грин, словно были созданы для бесконечных приключений, прекрасно знакомых всякому, кто жил в сельской местности Англии. Множество деревьев, на которые так здорово забираться, ручьи, идеальные для возведения запруд, леса и рощи, отлично подходящие для строительства берлог и шалашей. В качестве своего вклада в книгу 1996 года «Воспоминания знаменитостей о детских играх и дет-

⁶ Общее название для церковных зданий, сделанных из рифленого железа, прежде всего в Великобритании. (*Примеч. пер.*)

⁷ Пратчетт вспоминал эту историю в 2013 году, когда участвовал в мероприятии *Live at the House* в Сиднейском оперном театре, где сказал бравшему у него интервью писателю Гарту Никсу, что, фигурально, так и оказалось. (*Примеч. авт.*)

стве» (Playground Memories), собрание детских воспоминаний знаменитостей, Терри объяснил, как он и банда из четырех или пяти детей с грязными, разбитыми коленками собирались в Пуританском лесу, небольшой роще, окружавшей меловой карьер, и он превращался – в их воображении – в древний лес или любое другое место, которое требовалось для их игр. Там они сражались с чудовищами, устраивали драки и предавались любимому занятию мальчишек: безумным прыжкам с высоты. В данном случае идея состояла в том, чтобы взобраться на молодой бук, перепрыгнуть с него на соседний и соскользнуть вниз по гладкому стволу, удачно избежав объятий веток с шипами кустарника падуба. Детство Терри, как он сам сказал The Times в 2005 году, было похоже на бесконечный летний день.

В отличие от большинства людей послевоенного поколения у Терри не было ни братьев, ни сестер. Позднее он скажет, что хоть и был единственным ребенком, но не чувствовал себя одиноким. Эта тема возникнет в его работах множество раз. Будучи писателем для взрослых, Пратчетт создал множество юных персонажей, от тревожного и склонного к созерцанию Джонни Максвелла из «Только ты можешь спасти человечество» до Адама из «Благих знамений», Эскаррины из «Творцов заклинаний» и Тиффани Болен, едва ли не лучшего его творения, из «Маленького свободного народца». Все они либо единственные дети, либо имеют братьев и сестер, но те не играют существенной роли в их жизни. Все они благоразумные дети, вполне удовлетворенные компанией друзей и своей собственной. На самом деле, единственный случай, когда Пратчетт пожалел об отсутствии братьев или сестер, произошел тогда, когда старший брат мог бы защитить его от хулигана на детской площадке. В остальном он смотрел только вверх: получал больше внимания родителей, семья не напрягалась, чтобы находить деньги для подарков, и ему никогда не приходилось делиться с кем-то игрушками.

Существует множество печальных историй о единственном ребенке из нищей семьи, который стал знаменитым писателем. На этих идеях, основанных на несчастьях, построено целое поколение литературы. Ничего подобного не присутствовало в жизни юного Терри Пратчетта. Его любили родители, к нему прекрасно относились друзья. У него было идеальное детство, если бы не один решающий фактор – со временем ему пришлось идти в школу.

Формально образование Терри началось в 1953 году, на день позднее, чем у всех его одноклассников. Пратчетты уехали в отпуск, и конец их путешествия пришелся на начало учебного года. Семейный отдых означал долгие месяцы экономии, поэтому они не пожелали сокращать его даже на один день. Типичное поведение Дэвида и Эйлин, которые всегда предпочитали качественно проведенное семейное время любым земным обязательствам.

Терри появился у ворот школы на второй день занятий и обнаружил, что другие дети уже образовали в классе дружеские группы и иерархию, распределили места и все самые удобные крючки для одежды. (Терри достался крючок с парой вишенок, все остальные вешали свои вещи под солдатами и космическими ракетами. Эти скучные вишни стали блестящим алым знаком его статуса аутсайдера.) В общем, школьная карьера Терри началась самым неудачным образом.

Он посещал начальную школу в графстве Холтспур, расположенную на Черри-три-роуд, совсем близко от его дома в Форти-Грин. Холтспур была типичной деревенской школой, где училось около ста учеников. Она открыла свои двери всего за два года до появления в ней Пратчетта и размещалась в современных зданиях из красного кирпича, а также там имелась огромная спортивная площадка. Школой управлял директор Генри Уильям Тейм, известный как Г.У. Тейм. Неформально его называли Билл. Опытный и энергичный педагог, принимавший участие в создании новой школы, оставался ее директором в течение следующих тридцати лет. Тейм оказал такое огромное влияние на юного Терри Пратчетта, что тот до конца жизни не доверял учителям и официальному образованию.

Во многих отношениях Тейм был первооткрывателем. Он опубликовал две книги по сексуальному образованию «Время взрослеть» (Time To Grow Up) в 1966 году и «Питер и

Памела выросли» (Peter and Pamela Grow Up) в 1969-м, которые противоречили консервативным взглядам того времени, сочинил школьный гимн и придумал – и часто в ней участвовал – школьную пантомиму. Многие дети, оказавшиеся в заботливых руках Тейма, его обожали, а после его кончины в 2002 году местные жители вспоминали его с огромной любовью. Среди множества выражений признательности в местной прессе странным образом отсутствовало имя «Терри Пратчетт». Но в этом не было ничего удивительного. Когда Терри исполнилось шесть, Тейм поставил на нем крест, посчитав, что Пратчетту не удастся добиться успеха в жизни.

Закон об образовании, принятый в 1944 году, требовал от учеников Англии и Уэльса сдавать экзамен во время последнего года обучения в начальной школе – знаменитый «Одиннадцать плюс» – после которого дети переходили в среднюю школу (те, кто обладал способностями), технический колледж (для практического обучения) или в среднюю современную школу (для всех остальных), и их дальнейшая жизнь определялась полученными отметками. В теории, они вступали в критическую стадию образования в обстановке, где их учили в соответствии с академическими потребностями преподаватели, которым не приходилось ориентироваться на тех, чьи способности выше или ниже среднего уровня. Такая практика, известная как «трехсторонняя система образования», давно вызывала споры, и многие политики и учителя утверждали, что она запирает социальные структуры. Дети, больше других нуждавшиеся в помощи, как правило, жили в бедных семьях и лишались возможности попасть в серьезные учебные заведения; а более способные дети, нередко из обеспеченных семей, имели доступ к качественному образованию – их куда чаще поддерживали в стремлении учиться дома, и они получали шансы на лучшее будущее. Система потеряла поддержку, когда в шестидесятых к власти пришло правительство лейбористов, и в течение ряда лет были проведены исследования, поставившие под сомнение эффективность разделения детей по результатам достижений в начальной школе. Тем не менее многочисленные версии трехсторонней системы образования входили в моду и теряли популярность при различных послевоенных правительствах вплоть до 2010-х.

От дошкольных учреждений и начальной школы не требовали делить классы по способностям, однако многие так и делали. Обычно процесс начинался на ранних этапах, и детей часто распределяли в группы по способностям с шестилетнего возраста. Многие учителя считали, что оценка ребенка в возрасте шести лет способна точно предсказать их успехи в обучении в течение всей жизни. Г.У. Тейм также принадлежал к этой категории учителей.

Ученик Холтспура, Джулиус Уэлби, который поступил в школу на несколько лет позже Терри, дает четкую характеристику Тейма:

«Он мыслил прогрессивно, в особенности когда речь шла о сексуальном образовании, но с удивительно отсталым эмоциональным восприятием реальности. Казалось, он думал, что ребенок должен развиваться единственным способом, двигаясь в соответствии с определенными вехами – как физическими, так и ментальными – и только в утвержденном направлении. Если ребенок удовлетворял схеме, мистер Тейм оказывал на него огромное положительное влияние и становился прекрасным учителем. Если нет, тебя оставляли позади, как Терри, предоставляя самостоятельно бороться с трудностями, болью и сомнениями».

В 1963 году книга учительницы Холтспура Джоан Голдман «Избранные в шесть» (Selected at Six) описывает год в начальной школе, подозрительно похожей на Холтспур, с директором, подозрительно похожим на Тейма⁸. В ней рассказывается о директоре «Мистере Коллинзе»: «Уже в пять с половиной лет он мог сказать, кто из [учеников] поступит в началь-

⁸ В предисловии к статье о школе Холтспура в сборнике документальной прозы «Опечатки: Избранные истории» (A Slip of the Keyboard) Терри упоминает книгу о школе Холтспура «Избранные в шесть». Возможно, он имел в виду совершенно другую книгу, но мне не удалось отыскать ее следов, поэтому мы можем сделать вывод, что Терри имел в виду именно творение Голдман и что она изменила имена и детали, чтобы защитить невинных. Или так, или Терри что-то перепутал. (Примеч. авт.)

ную школу... а кто – нет». Голдман писала, что «Коллинз» разделял самых младших школьников на группы А и Б, носившие название «желающие» и «не желающие», или грубее: на «овец» и «козлиц». «Коллинз» свободно использовал эти слова в присутствии детей. Подобная практика представляется чересчур жестокой по современным стандартам. И то, что в различных воспоминаниях Терри то и дело возникают эти понятия, позволяет сделать вывод, что он был хорошо знаком с «мистером Коллинзом».

Терри был склонным к рефлексии маленьким мальчиком, появившимся в школе на день позже, чем все остальные, и сразу оказался шагающим не в ногу со своими одноклассниками, к тому же он обладал невероятным воображением, из чего следовало, что он предпочитал придумывать собственные истории, а не изучать чужие. Тейм, как заметил Джулиус Уэлби, высказывал свое мнение «с полной сокрушительной уверенностью»; он видел в Терри классического «козлища», или «ребенка с задержками в развитии», о чем говорил совершенно прямо. Для Тейма «козлища» являлись особым видом. Уэлби, также отнесенный к группе Б, пишет: «В то время казалось, что его мнение в большей степени определялось не столько твоими успехами, сколько природой. Козлища – это вовсе не овцы, у которых выдался неудачный день, они существа совершенно иного вида».

То, что Терри оказался среди козлиц, повлияло на него как в хорошем, так и в плохом смысле. В любом случае это не стало результатом разделения на группы. Терри никогда не получал особого внимания учителей, которое предполагало такое деление. Кроме того, уроки обычно не соответствовали его уровню, и он часто оказывался либо впереди класса, либо позади. Тейм фанатично придерживался теории, утверждавшей, что образование зиждется на трех китах: чтении, письме и арифметике. Как замечала Голдман в своей книге, он привык игнорировать мнение родителей и учителей по данному поводу, а Терри всегда противился отношению типа «колесики-винтики» и реагировал куда позитивнее, когда включалось его воображение. Несколько лет спустя, когда чтение и письмо стали его страстью, арифметика плелась где-то позади.

Впрочем, выяснилось, что статус козлища имеет определенные преимущества: он сблизил мать и сына. Эйлин Пратчетт не собиралась допустить, чтобы ее единственный ребенок заках в группе Б только из-за того, что так сказал надменный директор школы. Она была полна решимости доказать, что Тейм был неправ. Эйлин взяла обучение Терри в собственные руки и в самом начале проявила бесконечное терпение талантливого от природы учителя, а позднее – когда им стала мешать привычка Терри отвлекаться – прибегла к подкупу, обещая платить ему пенни за каждую страницу книги, прочитанной им вслух для нее⁹. Она также нашла местную учительницу, которая занималась с ним по программе, которую не изучали ученики группы Б Холтспура.

Несмотря на то что уроки в школе вызывали у Терри одну лишь скуку (и, соответственно, были достаточно приземленными), талант Эйлин к сочинению разных историй помогал удерживать его интерес. Он полюбил учебу, и эти занятия стали первыми снежинками в лавине знаний, которыми он овладел за время бесконечных исследований в течение всей своей жизни. Им двигало исключительно желание познать что-то новое. Впрочем, дополнительные занятия школьными предметами имели и свои минусы. Эйлин делала свою работу слишком хорошо. Однажды случилась ужасная история: в школе учитель задал классу вопрос: откуда берется дождь? «Из моря», – уверенно ответил Терри, а другие дети, знавшие *очевидный* ответ: «с неба», принялись смеяться. Однако на учителя познания Терри, знавшего о циклах испарения и извержения воды с небес, не произвели никакого впечатления, и, вместо того чтобы

⁹ Позднее Терри указывал, что эти финансовые вложения оказались для его родителей удачными, ведь он сумел купить для них комфортабельный дом в Хей-он-Уай, когда они вышли на пенсию. Если вы вдохновляете собственного сына на чтение, в будущем, когда он становится мультимиллионером, это приносит свои плоды. (Примеч. авт.)

его похвалить, он присоединился к всеобщему веселью. Многолетняя ненависть Терри к плохим учителям уходит корнями к этому эпизоду, как и предсказанию Тейма. Благодаря ему у Терри появился интерес к соревнованию. По мере того как шли занятия, Терри все чаще оказывался впереди других козлиц: да, он был мечтательным и вдумчивым ребенком, однако обладал умом, и ему нравилось быть лучшим в классе, хотя едва ли удалось бы стать первым среди овец.

По мере того как развивалась школьная карьера Терри, у него появились два новых интереса, которые занимали почти все его свободное время. Во-первых, ночное небо и любовь ко всему, связанному с астрономией, во-вторых, он читал уже для удовольствия. Одно прекрасно дополняло другое, а сочетание этих увлечений стало причиной цепочки событий, определивших всю его дальнейшую жизнь.

Сначала была астрономия. Терри отмечал, что интерес к изучению звезд появился у него в возрасте девяти лет. Компания Brooke Bond tea по давней традиции вкладывала коллекционные карточки в свои упаковки с чаем и выпустила серию под названием «В открытый космос», стараясь извлечь выгоду из состязания между Советской Россией и Соединенными Штатами. В прежние серии входили полевые цветы или птицы Британии, что не вызывало у Терри особого интереса, но тут все получилось иначе. Первой Терри попала карточка номер девять: «Планы и их луны». На картинке были изображены разноцветные сгустки, но текст под ними показался Терри завораживающим. Он впервые прочитал слова «Ганимед», «Каллисто» и «Титан» и попытался представить, на каком расстоянии они находятся от Земли и их размеры относительно Юпитера и Сатурна. Это его заворожило.

Следующим шагом стало желание собрать оставшиеся одиннадцать карточек, и вся семья начала активно пить чай, чтобы поскорее получить полную серию. На каждой карточке имелись скверные иллюстрации и солидные научные факты: фазы Луны, порядок, сравнительные размеры и орбиты планет, вращение Земли и так далее. Терри находился в полном восторге и решил, что его манит карьера астронома. Родители купили ему самый дешевый телескоп с мутноватыми линзами, но небо над Чилтерном было ясным, а в остальном телескоп оказался вполне приличным, и у Терри появилась возможность изучать кольца Сатурна, луны Юпитера и поразительные лунные ландшафты.

Но только в возрасте десяти лет, после долгих лет терпения и взятых матери, Терри прочитал книгу сам, по собственному желанию. Это был «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, классическое произведение про говорящих животных, сидевших за рулем автомобилей, одевавшихся как прачки, к тому же они постоянно влипали в разные приключения. Особенно важным оказалось то, что книга попала к Терри от друга семьи, известного как «дядя Дон», во время их поездки в Лондон; ее не рекомендовал учитель, а мама не платила денег за чтение. «Ветер в ивах» подарили ему небрежно, не навязывая, и у Терри не возникло отвращения или обязательств. Он проглотил ее за один присест, на заднем сиденье старенькой отцовской Jowett Javelin, в свете придорожных натриевых фонарей, стараясь не потерять нить, когда машина оказывалась в тени. Когда Терри закончил, он вернулся к началу и стал читать снова. Его околдовала диковинная реальность Грэма – некоторые животные в книге разговаривали и пили чай, другие оставались немymi, и их запрягали в повозки. Прямая линия пролегла от этой поездки через посещение универмага «Геймаджес» к будущей карьере писателя. Так, за один вечер, Терри стал ненасытным читателем. Он глотал все подряд, часто не понимая текста: художественные и научные произведения, даже справочные материалы... все, что попадало в руки. Никто не позаботился о том, чтобы объяснить ему, что некоторые книги предназначены для детей, а другие – для взрослых. Годилось все.

Он прочитал «Госпожу Мэшэм» (Mistress Masham's Repose), роман Т.Х. Уайта, и решил, что все написанное там – правда. И с радостью обнаружил нечто похожее, когда ему попались «Приключения Гулливера» Джонатана Свифта – он и здесь не сомневался, что автор рассказал

реальную историю. Затем были «Этот Вильям!» (Just William), «Муми-тролли» и «Дживс и Вустер». Полка любимых книг его бабушки стала настоящим сокровищем – Терри открыл для себя Диккенса и Г.К. Честертона, а когда книги там закончились, отправился в недавно открывшуюся публичную библиотеку.

В справочнике «Кто есть кто», регулярно обновляемом путеводителе по влиятельным британцам, Терри указывает местом своего образования публичную библиотеку Беконсфилда. И это не преувеличение. Много лет спустя на фасаде здания открыли мемориальную доску, посвященную Терри Пратчетту. Его дочь, Рианна, сделала заявление на ее открытии: «Папа родился в Беконсфилде, но писатель Терри Пратчетт появился на свет в библиотеке Беконсфилда. Именно там он получил образование». Терри входил в библиотеку с энтузиазмом голодного орангутанга, получившего ключи от банановой плантации. Он читал все подряд – от детских книжек до словарей, поглощая факты и вымысел, постоянно запоминая новую информацию, так он начал строить картину мира куда более яркого, чем тот, которому его учили в школе Холтспура.

Едва ли не первой его остановкой стала полка с книгами по астрономии, где он быстро пополнил скудные знания, полученные из чайных карточек. Почти все книги о космосе содержали вступительную главу, где рассказывалось о различных мифах возникновения вселенной, от которых отказались благодаря доказанным научным теориям. В одной из таких книг Терри наткнулся на древнюю легенду, общую для многих культур: мир представляет собой плоский диск, движущийся в пространстве на спине огромной черепахи. В версии этой идеи, принятой в индийской мифологии, появлялись четыре гигантских слона, стоящих на панцире черепахи и удерживающих диск мира на своих плечах.

Как-то кинокритик Марк Кермод высмеял биографический фильм «Истории Карен Карпентер» (The Karen Carpenter Story)¹⁰ и небрежную фразу о том, что избыточный вес певицы в будущем приведет к анорексии фильма. Вот и в дешевой киноверсии жизни Терри Пратчетта *это* именно такой момент. Над его головой должна была зажечься лампочка или появиться кадр с изображением мальчика, глядящего вдаль и задумчиво потирающего подбородок.

На самом деле древний мир в форме диска был еще одним фактом, еще одной мелочью, которую следовало тщательно запомнить для дальнейшего употребления, но тогда маленький Терри об этом особо не задумывался.

Но самым большим открытием, которое Терри сделал после чтения книг по астрономии, явилось то, что изучать звезды без сложной математики невозможно, и Терри отказался от профессии астронома. Наблюдение за звездами, однако, привело его к научной фантастике, а та, в свою очередь, к фэнтези. Через годы Терри заинтересуется мифологией и древней историей, затем на его пути возникнет новая история, а далее последует возвращение к науке. Каждая книга, каждая история добавляла что-то новое к накопленной им гряде знаний. В романе 1992 года «Мелкие боги» есть эпизод, когда неграмотный персонаж по имени Брута, обладающий фотографической памятью, «спасает» от уничтожения информацию, достойную библиотеки, просто просматривая книги, пока не обретает знания веков, дрейфующих в его голове, чтобы позднее быть записанными. Опыт, пережитый Терри в библиотеке Беконсфилда, был менее драматичным, но не менее важным.

Со временем читательские интересы Терри переросли возможности библиотеки: ему разрешалось брать только две книги зараз, а этого явно не хватало. Решение оказалось простым – он попросился туда в помощники и в возрасте десяти лет стал субботним мальчиком, работавшим бесплатно. В его обязанности входили расстановка книг, заполнение карточек и многое другое – и все только для того, чтобы иметь возможность самому заниматься своей библиотечной карточкой. Регистрационная система библиотеки состояла из двух ящиков: в одном хра-

¹⁰ Он указывает на Джона Ронсона, как автора этих слов, хотя популярными их сделал именно Кермод. (Примеч. авт.)

нились карточки книг, которые выдали читателям, а в другом – те, что взял Терри Пратчетт. В 2004 году, давая интервью журналу *Science Fiction Review*, Пратчетт сказал, что в какой-то момент у него дома находилось аж сто сорок три библиотечных книги.

Г.У. Тейм списал Терри Пратчетта как неудачника к тому моменту, когда ему исполнилось шесть лет, после чего обеспечил школьной программой, которая должна была доказать его правоту. Несмотря на ненасытное чтение Терри и тщательную работу Эйлин, Пратчетт провел всю начальную школу в классе Б, и Тейм не собирался менять свое мнение.

В 1958 году, примерно в то время, когда семья переехала в муниципальный дом в Холтспуре – на этот раз там имелись такие приятные современные вещи, как электричество и водопровод, – Терри и другие козлици сдавали экзамен «Одиннадцать плюс». Результаты сообщал сам Тейм, расхаживая по классу, поочередно останавливаясь у парты каждого ученика. Когда он добрался до Терри, его комментарий встретила полная тишина в классе. Терри оказался единственным ребенком в этом году, который доказал, что директор ошибся. Терри сдал экзамен.

Глава 2

Молодой писатель

Летом 1959 года Терри готовился к следующему этапу своего обучения. Он отказался от мысли поступить в местную среднюю школу и вместо этого подал документы в техническую школу, находившуюся в соседнем городке Хай-Уиком. Несмотря на то что Терри с достаточным запасом сдал экзамен «Одиннадцать плюс», он *ненавидел* уроки в Холтспуре. И, хотя в последнее время он всерьез увлекся чтением об окружающем мире, он делал это на своих собственных условиях. Терри обладал практическим умом и не имел склонности к академической учебе. Он любил мастерить с отцом, и они почти постоянно занимались каким-то общим проектом. Он также был искусным художником, рисовал карандашом и красками и мог стать чертежником или графическим дизайнером. Так что практическое образование привлекало его больше, чем академическое.

В технической школе для мальчиков Хай-Уикома преподавали такие же дисциплины, что и в большинстве школ: английский, математика, естествознание, история, спортивные игры и так далее, но если в начальной школе дети изучали античную литературу и латынь, то в технической специализировались на практических предметах: столярное дело, работа по металлу, черчение и рисование. Ученики здесь также носили школьную форму (в том числе обязательную фуражку и галстук, который запрещалось снимать до возвращения домой), но кроме стандартного блейзера, школьного галстука и формы для регби требовался еще и рабочий комбинезон.

Несмотря на упор на практические навыки, средняя техническая школа Хай-Уикома являлась типичным образовательным заведением конца пятидесятых годов двадцатого века: сухие строгие уроки и жесткая дисциплина. И, хотя телесные наказания были разрешены только в кабинете директора, где провинившиеся мальчики получали «шесть горячих»¹¹, любой учитель мог вlepить ученику, который плохо себя вел, первым попавшимся под руку предметом, будь то кусок дерева или металлическая линейка, а во время уроков физкультуры даже тапка на резиновой подошве.

Линейки обычно ломались, и тогда ученик несколько дней оставался после уроков, чтобы сделать новую. Особенно жестко вели себя с мальчиками учителя физкультуры. Если врач давал освобождение от урока, ученику приходилось целый час таскать уголь в котельной. Один бывший ученик школы, Стюарт Руксби, вспоминал на веб-сайте выпускников, как он давал Терри шестипенсовик, чтобы тот работал за него в котельной.

Директор Гарри Уорд, занявший должность в 1958 году, очень серьезно относился к дисциплине. Тяжелый опыт, полученный во время службы в армии, сделал его несдержанным и бескомпромиссным. Как и Билл Тейм, Уорд быстро проникся неприязнью к Терри Пратчетту.

Карьера Терри в технической школе Уикома также началась не самым удачным образом. Пратчетты проводили летний отпуск в одно и то же время, из чего следовало, что их сын вновь пропустил первый день занятий в новой школе. И во второй раз в жизни он начал важную фазу своего образования не с той ноги. С первого дня¹² и до окончания школы его преследовало ощущение, что ему нужно кого-то догонять.

Терри довольно быстро показал себя как средний ученик; слишком способный, чтобы болтаться в конце класса, и слишком незаинтересованный, чтобы оказаться среди лидеров. Он был, по его собственному признанию, «странным ребенком», более того, нарушителем спокой-

¹¹ Шесть ударов палкой – вид наказания в некоторых частных школах, существующий и в настоящее время. (Примеч. пер.)

¹² Точнее, со второго. (Примеч. авт.)

ствия и классным клоуном; Терри мог дать быстрый ответ, достаточно остроумный, чтобы быть забавным, но ему не хватало ума держать рот на замке. Периодически он раздражал окружающих. На фотографии 1961 года хорошо виден его характер: Терри сидит, скрестив ноги, рядом с другими невысокими мальчиками и кривляется перед объективом, да так, что его чувство юмора и неспособность сохранять спокойствие буквально исходят от фотографии¹³.

Из-за подобных выходов у него случались неприятности как с учителями, так и со школьными хулиганами. На спортивной площадке его сразу записали в жертвы; остроумные маленькие мальчики никогда не пользовались любовью крупных парней, которые приметили его низкий рост и небольшое заикание. Один из таких громил начал регулярно над ним издеваться, и так продолжалось до тех пор, пока Терри не потерял терпение – и с разбегу врезался головой ему в живот. Хулиган оказался на полу, и у него пошла кровь, когда он ударился головой о железный камин. С тех пор Терри оставили в покое.

Школьное образование проходило без особых успехов. Терри от всей души ненавидел математику и не смог овладеть алгеброй и уравнениями, не слишком старался на английском и, если удавалось, избегал спортивных игр, где его всегда выбирали в команду одним из последних (впрочем, он любил играть в хоккей, к которому пристрастился его отец в Индии во время войны – проворность и умелое обращение с клюшкой делали его опасным противником). Плохой и временами неудачливый спортсмен, Терри однажды провел два месяца с гипсом на обеих руках после несчастного случая на батуте.

Предметы, которые могли вызвать у него интерес, – естествознание и история – пали жертвами на алтаре плохих учителей. Он узнал о «Хлебных законах» 1815 года, но запомнил лишь, что правительство каким-то образом устроило неприятности беднякам.

Настоящее образование Терри продолжалось вне школьного расписания. Мать платила ему, чтобы он учился печатать вслепую, решив, что интерес к чтению может привести его к канцелярской работе. Большая часть книжного образования Терри основывалась на самостоятельном выборе книг для чтения в библиотеке Беконсфилда, где он продолжал работать по субботам. Терри на бреющем полете проносился по библиотечным книгам с такой скоростью, которая сильно удивила бы его учителей английского языка. В те ранние годы он поглощал произведения П.Г. Вудхауса, Жюль Верна и Артура Конан Дойла. Однажды одновременно читал «Рабочие и бедные Лондона» (London Labour and the London Poor) Генри Мэйхью – подбор викторианских статей о социальных реформах – и детскую серию о муми-троллях Туве Янссон.

Одним из авторов, которого Пратчетт полюбил и который позднее оказал на него огромное влияние, – был Г.К. Честертон, любимец его бабушки по отцовской линии. В двадцать первом веке влияние Честертон стало слабеть, и сейчас популярны лишь его рассказы о патере Брауне, полные притч истории про католического священника, раскрывавшего уголовные преступления. Однако после Первой мировой войны Честертон считался интеллектуальным тяжеловесом¹⁴; знаменитый остряк и эссеист, прославившийся своими статьями, поэмами и романами.

В годы перед смертью в 1936 году Честертон жил в Беконсфилде и был очень известен в тех местах. «Бабушка Пратчетт», так ее называл Терри, в то время проживала на Честертон-Грин и видела, как великий писатель прогуливался по городу, это был огромный мужчина с тонким голосом. Любовь Терри к Честертону началась с книг, найденных им у Бабушки Пратчетт: «Наполеон Ноттингхиллский» (Napoleon of Notting Hill) и «Человек, который был четвергом» (The Man Who Was Thursday). (В 1991 году Терри Пратчетт скажет журналу Interzone,

¹³ В романе «К оружию! К оружию!» есть строка, где говорится, что на школьной фотографии всегда найдется один ребенок, который корчит рожи. Ему ли не знать: обычно это был он. (Примеч. авт.)

¹⁴ В буквальном смысле. В период пика его популярности он весил 20 стоунов (1 стоун равен примерно 6,35 кг). П.Г. Вудхаус однажды описал внезапный шум, назвав его звуком упавшего на жестяной лист Г.К. Честертон. (Примеч. авт.)

что эти два романа содержат едва ли не самые волнующие сюжетные идеи столетия, а в интервью *The New York Times* в 2014 году заявил, что вторая из книг должна стать обязательным чтением для любого президента и премьер-министра.) Очень скоро он прочитал все книги Честертона, которые имелись в библиотеке. Так Честертон стал первой творческой фигурой, превратившей Пратчетта из почитателя в то, что мы теперь называем «фанат».

Влияние Честертона на Терри невозможно переоценить. Терри проникся сочными афоризмами и сатирическими репликами Честертона, а его связь с Беконсфилдом показывала, что хоть писатели и удивительные люди, но живут они в обычных городах¹⁵. На Терри огромное впечатление произвела история, рассказанная бабушкой о направлявшемся в Лондон экспрессе, специально задержанном на станции Беконсфилд, чтобы Честертон смог завершить свою статью для журнала *The Strand*. Терри поразило, что писатель может оказывать такое влияние и пользоваться столь огромным уважением. Но что еще важнее, Честертон научил Пратчетта силе, прочности и важности воображения.

Интерес Пратчетта к фантастической стороне литературы на самом деле возник еще при чтении «Ветра в ивах», доставившего ему невероятное удовольствие. Но впервые девятилетний Терри столкнулся с фантастикой, когда мальчик, с которым он познакомился на каникулах, дал ему почитать комикс «Супермен». В течение следующих нескольких дней он бегал быстрее, чем разогнавшийся шезлонг, и одним прыжком перелетал через песчаные замки, повязав красное полотенце поверх рубашки и надев трусы на брюки. Он купил свежий выпуск на дорогу домой – на что у него ушли почти все карманные деньги, выданные на неделю, – но комикс украла девочка (он познакомился и привязался к ней во время путешествия), – разбив тем самым ему сердце. Тем не менее факел уже был зажжен. Супермен привел к легкому флирту с Бэтменом и другими супергероями золотого века комиксов, вместе с играми и конструкторами.

Но по мере того как Терри вырос, его интерес к американизированным комиксам слабел – он находил Супермена слишком скучным, а Бэтмена – нереальным. Однако что-то они все-таки заронили в его воображение: стремление к бегству, вызванное чем-то сверхъестественным. Теперь лишь оставалось ждать, когда любовь к фантастике столкнется с интересом к ночному небу, рожденному чайными карточками *Brooke Bond*. Так уж получилось, что это произошло перед полками с научной фантастикой библиотеки Беконсфилда. Научная фантастика – любители обычно сокращают ее до НФ – стала его всепоглощающей страстью.

Если бы чтение Терри ограничивалось возможностями публичной библиотеки, процесс его превращения в полноценного фаната НФ занял бы куда больше времени. Однако в двух небольших комнатах фантастики было совсем мало. Конечно, там имелись произведения Г.Дж. Уэллса, Жюль Верна, Роберта Э. Хайнлайна, Джона Уиндема и Эдгара Райса Берроуза. Возможно, книги Айзека Азимова, Рэя Брэдбери, Л. Рона Хаббарда, Артура Кларка и Э. Э. «Дока» Смита. Едва ли что-то еще.

Неожиданное открытие, сделанное Терри после школы, изменило все. Он случайно наткнулся на незаметное строение рядом с тем местом, куда упала бомба, в районе Фрогмор в Хай-Уикоме; на дверях висела табличка: «Маленькая библиотека». Терри никогда не упускал шанса разжиться парой новых книг, поэтому он туда зашел. Вход в магазин был занавешен украшенной стеклярусом шторой, а владелицей оказалась маленькая пожилая леди, которая в перерывах между вязанием и чаем зарабатывала на жизнь продажей высококачественной порнографии – она отдавала товар смущенным мужчинам, регулярно посещавшим магазинчик, в плотных коричневых конвертах. Чтобы сохранить внешнюю респектабельность, она также покупала и продавала солидную коллекцию американской и английской фантастики. Книги

¹⁵ Беконсфилд был также родиной Энид Блайтон. На Пратчетта не особенно повлияли ее работы, однако он безжалостно пародировал их в поздней части своей карьеры. (Примеч. авт.)

она по большей части получала от солдат расположенной неподалеку американской базы ВВС. Терри – в то время ему уже исполнилось 12 лет – не проявил никакого интереса к тому, что он называл «розовыми полками», но его невероятно заинтересовало собрание загадочных удовольствий, хранившихся в стоявших на полу ящиках. Очень скоро он стал единственным юным посетителем «Маленькой библиотеки».

«Маленькая библиотека» наконец дала Терри доступ к глубинам материала, который мог удовлетворить настоящего фаната. Здесь он обнаружил дешевые книги в мягких обложках Фрица Лейбера, А. Э. ван Вогта и Генри Каттнера, а также горчично-желтые или агрессивно пурпурные обложки книг издательства Victor Gollancz, выпускавшего романы Хола Клемента, Альгиса Будриса и Гарри Гаррисона. Терри с благодарностью в них погрузился и оказался в мире черных дыр, утраченных цивилизаций и покорения новых планет. Всякий раз, когда он отправлялся в «Маленькую библиотеку» – примерно три раза в неделю, – там находилось что-то новое. Скорее всего, хозяйка магазинчика регулярно обновляла свои запасы, а еще она прониклась любовью к невысокому и неуклюжему мальчику, который не демонстрировал никакого интереса к ее основному товару, но испытывал восторг, стоило ему увидеть роман Гарри Гаррисона, еще не попадавший ему в руки.

Возможно, еще более важными – совершенно точно более доступными, чем романы, – были антологии, журналы и любительские фэнзины, которые публиковались в Великобритании или приходили по почте из США. Субкультура любителей НФ появилась в Англии в тридцатых годах двадцатого века и основывалась на периодических изданиях, а также недолго живущих ассоциациях и сообществах. В послевоенные годы снова начался ее бурный рост. Терри выбирал журналы с такими названиями, как *New Worlds*, *Science Fantasy*, *Astounding*, *Galaxy* и *Analog*. В них печатали новости, редакционные статьи, но большую часть занимали короткие рассказы. Здесь Терри нашел новое поколение писателей, в том числе Майкла Муркока, Брайана Олдисса и Джеймса Балларда. В этих публикациях появлялись рекламные предложения для подписки на фэнзины, которые создавали любители и обычно набирали вручную, а потом размножали. Пратчетт заказывал *Aporrheta*, *Zenith* и *New Frontiers*, в каждом печатались новые рассказы начинающих писателей, а также свежие рекламные объявления. Фэнзины и рассказы появлялись постоянно, и со временем возникла Британская ассоциация научной фантастики. Терри не только обнаружил огромное количество новых книг, он познакомился с субкультурой, к которой, как ему казалось, мог принадлежать. Много позднее, в романе про Плоский мир «Держи марку!», Терри перенес свой опыт открытия фэндома на Стэнли, маниакального собирателя булавок¹⁶ и специальный магазин собирателей булавок, находившийся под массажным салоном, где также продавали испачканные краской и плохо напечатанные журналы для фанатов.

Чтение Терри не ограничивалось исключительно книгами про космические приключения, добытыми в порнографическом магазине. Отец рассказал ему о магазине подержанных книг, расположенном в соседней деревушке Пенн¹⁷. Здесь он обнаружил настоящий клад, и с этого момента часто возвращался домой на велосипеде, с руля которого свешивалась большая сумка, набитая книгами.

Сборники фантастики были хорошими, но еще больше Терри привлекли юмористические рассказы, которые он, уже знакомый с творчеством Честертона и Диккенса, поглощал в огромных количествах. Одной из самых удачных находок стала подшивка нескольких выпусков сатирического журнала *Punch*, основанного Генри Мэйхью в сороковых годах девятнадцатого века. Позднее Пратчетт признался, что, будучи подростком, прочитал все выпуски *Punch*

¹⁶ Или Пинхеда (булавочноголового): ссылка, которая порадует фанатов книг «Восставший из ада». (*Примеч. авт.*)

¹⁷ На самом деле семья совсем недолго прожила в Пенне, сейчас трудно определить, когда именно, но совершенно определенно не слишком долго, поскольку они жили в Холтспуре к тому моменту, когда Терри исполнилось тринадцать, а в Форти-Грин он провел большую часть детства. (*Примеч. авт.*)

с 1841-го до 1960 года, наслаждаясь редакционными статьями и рассказами Джеффри Уилланса, Марка Твена, Джерома К. Джерома и Алана Корена. Они присоединятся к Честертону, создавая его собственное сухое, сатирическое, а иногда и глупое чувство юмора, а также неизменный интерес к Викторианской эпохе – и прежде всего викторианскому Лондону – он останется с ним до конца жизни.

В школе Терри, по всеобщему мнению (в том числе и его собственному), был непримечательным учеником, но из этого вовсе не следовало, что он ничему не учился – как раз наоборот, учился он постоянно и быстро. Его версия образования заключалась в полном самообучении, и он выбирал информацию в форме имевшихся под рукой фактов и мелочей, а не из школы, где царствовал одобренный всеми метод запоминания дат и определений. Каждая прочитанная им книга что-то добавляла к его знаниям или оттачивала вкус и интересы. И хотя он сам этого не осознавал, чтение также помогало ему развивать творческий голос, который, однажды спущенный с привязи, будет невозможно остановить. Множество книг, написанных разными поколениями, растворились в тигле его развивавшегося интеллекта; крупницы золота, добытые из земли, уже были готовы для переплавки в бруски. Или, вполне возможно, в кольцо. Потому что одна книга¹⁸, по крайней мере на время, перечеркнет все.

Конечно, Терри слышал о «Властелине колец» Дж. Р.Р. Толкина. В 1961-м книга произвела фурор в издательском мире. До появления в Сан-Франциско граффити «Фродо жив!» оставалось еще около года, но человек, который совершит этот акт вандализма, в то время уже наверняка приступил к первой главе. Несколько мальчиков из школы уже прочитали этот шедевр и говорили о нем, но Терри никак не мог добыть экземпляр книги.

В последнюю субботу года, добравшись по холодной зимней декабрьской погоде на работу в библиотеку, Терри удостоился позднего рождественского подарка. Библиотекарь, зная, как будет радоваться юный волонтер, пододвинул к нему через стойку три толстые книги, связанные между собой шпагатом. Это был «Властелин колец». На следующий день наступил канун Нового года, и Терри, которому исполнилось тринадцать, провел вечер, присматривая за ребенком друзей семьи. Он решил оставить последний подарок до того момента, когда взрослые отправятся на вечеринку или в паб, чтобы встретить 1962 год, а дети – в постель. Устроившись поудобнее, он начал читать... «Немало страниц этой книги отведено хоббитам»¹⁹...

Этот вечер, как и последовавший за ним день, стали одним из самых глубоких впечатлений в жизни Терри. Он читал до тех пор, пока мог держать глаза открытыми, и заснул с книгой на коленях. Он быстро разобрался с «Братством кольца» и сразу перешел к «Двум твердыням». К следующему вечеру он уже добрался до конца «Возвращения короля» вместе со всеми дополнениями. Потом без паузы взял «Братство кольца» и вернулся к первым главам... «Немало страниц этой книги отведено хоббитам»...

Мальчикам его возраста нередко случалось входить в глубокий резонанс с Толкином. Это впечатление знакомо всякому, кто сталкивался с фэнтези в юном возрасте. «Властелин колец» при всех своих недостатках – а у книги их множество – запоминающееся и захватывающее произведение. Толкин, профессор-англосакс, который всю свою юность посвятил изучению древних языков и мифологии и находивший Шекспира слишком современным, использовал в своем творчестве ранние литературные образцы. Он очистил этот опыт и вплел его в собственную работу, и его книга без малейших усилий присоединилась к древу рассказчиков, уходящему на тысячу лет назад. Это придает «Властелину колец» мистический вес, притягательный и впечатляющий, в особенности для тех, кто никогда прежде не сталкивался с эпическим фэнтези. Открытие «Властелина колец», подобно открытию экстремальной музыки, религиозному фундаментализму и сексу, оказывает огромное влияние на впечатлительных подростков.

¹⁸ Технически – три книги. (Примеч. авт.)

¹⁹ Перевод В.А. Маториной.

Терри уже доводилось читать фэнтези, но «Властелин колец» не просто «какое-то фэнтези». Во многих отношениях это *главное* фэнтези всех времен и народов. «Властелин колец» для фэнтези подобно The Beatles для поп-музыки: переключение передач в культуре. Нулевой год. Для Пратчетта книга стала таким же откровением, как «Ветер в ивах» несколькими годами ранее; он сразу почувствовал родство с миром Толкина. Темные леса и идиллические ландшафты Средиземья показались знакомыми мальчику, выросшему в Чилтерн-Хилс, – в чем нет ничего удивительного, ведь образцом для создания родины хоббитов Шира послужил Уэст-Мидлендс – сельская местность детства Толкина, находившаяся всего в 80 милях. Позднее Пратчетт описывал первое чтение книги, как многоканальное воздействие. В тот вечер деревья Фангорна начинались на краю ковра в его комнате, а свет приобрел оттенок зеленой лесной листвы.

Терри стал фанатичным поклонником Толкина, из тех, кто на школьных уроках радостно рисовал руны гномов и записывал слова из эльфийского языка в тетрадах для упражнений. Вплоть до 2014 года Пратчетт повторял, что Толкин остается его самым любимым автором фэнтези, и в течение большей части своей жизни раз в год, весной, перечитывал «Властелина колец». В 1967 году, в возрасте 19 лет, он написал великому человеку, чтобы поблагодарить его за недавно вышедший рассказ «Кузнец из Большого Вуттона», необычную волшебную притчу, которую Толкин создал, когда должен был работать над правками к переизданию «Властелина колец» в США. Рассказ выделяется среди других его обычно отстраненных работ. Толкин, которому уже исполнилось 75 лет, рассказал историю старика, полную предчувствия тяжелой утраты. Несмотря на то что Терри был намного моложе, он ощутил связь с этой историей, родственную той, что пережил, читая «Властелина колец» в первый раз. Профессор Толкин невероятно обрадовался, когда получил его письмо, и ответил через несколько дней, что это первая реакция на «Кузнеца» и что Терри «понял его так, как я сам. И мне нечего больше добавить».

У Терри появилась неодолимая тяга к героическому фэнтези, сравнимая с его стремлением к космическим путешествиям. Пройдут годы, прежде чем он сумеет удерживаться от чтения любой книги с драконом на обложке. Он купил все семь романов серии «Нарния» К.С. Льюиса, моментально прочитал их (и нашел слишком сухими и полными поучений), а потом продолжил, погрузившись в трилогию «Зимиамвиан» (Zimiamvia) Э.Р. Эддисона, «Короля золотой реки» (The King of the Golden River)²⁰ Джона Раскина и произведения Джорджа Макдональда, Л. Фрэнка Баума и Г.Ф. Лавкрафта, среди дюжины других авторов фэнтези Викторианской эпохи и начала двадцатого столетия.

Именно любовь к «мечу и магии» привела Терри к изучению древней истории и мифологии. В конечном счете он искал все новые книги о мечах, армиях и королях. В лучших из них имелась еще и магия. Все они стимулировали его воображение и уводили образование за пределы обычных уроков, которые оставались скучными и не стоили затраченного на них труда. В сентябре 1963 года Терри даже отправил статейку с напыщенной тирадой о полном отсутствии интереса к школе и предпочтении куда более значимых в жизни вещей (он имел в виду книги о космических кораблях и волшебниках). Свое письмо Терри подписал «Мастер Терри Пратчетт», что показалось редактору Роджеру Пейтону несколько архаичным, но его напечатали на страницах Vector, официального журнала Британского общества научной фантастики.

Возможно, было неизбежно, что мальчик, одержимый *чтением* историй о других мирах, однажды захочет сам описать один из них. Одним из первых образцов его творчества стала опередившая свое время смесь Средиземья Толкина и «Гордости и предубеждения» Джейн Остин, где на злополучного приходского священника мистера Коллинза напали орки²¹.

²⁰ Название, которое он много лет спустя позаимствует для имени одного из персонажей Плоского мира. (Примеч. авт.)

²¹ Увы, мы не знаем, что сказала по этому поводу леди Кэтрин де Бер. (Примеч. авт.)

Согласно Пратчетту, его произведение ходило по классу и пользовалось успехом у мальчиков, которым ужасно хотелось хоть как-то оживить изысканную, но спертую атмосферу Англии Остин. Данная работа Пратчетта утеряна, но, к счастью, благодаря одному заботливому учителю, следующие истории Терри прославились куда лучше; более того, три из них, даже спустя пятьдесят лет после написания, до сих пор можно найти в печати.

Джанет Кэмпбелл-Дик, единственная женщина-учитель в технической школе Хай-Уикома, преподавала черчение и художественное творчество. Однако в 1962 году в школе возникла нехватка учителей английского языка, и она стала преподавать его в классе Терри и с удивлением обнаружила, что стандартной программы не существует. Ей предложили взять книгу для изучения, ориентируясь на количество экземпляров в школьной библиотеке. Однако Кэмпбелл-Дик такой вариант не устроил, и она сама выбрала книгу и начала работать с огненной страстью. Особенно ей нравилась традиционная шотландская эпическая поэзия, например баллада «Сэр Патрик Спенс», которую она читала с родным шотландским акцентом²². «Миссис КД» стала едва ли не самой популярной учительницей в школе, одной из немногих, способных вдохнуть жизнь в преподавание своего предмета и неизменно подчеркивавшей необходимость находить эмоциональную составляющую в любых видах искусства.

Именно Кэмпбелл-Дик задала классу на дом сочинить короткий рассказ. Терри написал «Деловых конкурентов», остроумную историю о рекламном менеджере, которого дьявол попросил улучшить репутацию Ада и увеличить количество посетителей. На миссис Кэмпбелл-Дик его творчество произвело впечатление, она поставила ему двадцать баллов из двадцати и выбрала рассказ для публикации в школьном журнале *Technical Sygnet*. «Деловые конкуренты» пользовались популярностью у других учеников, но это лишь еще больше ухудшило отношение к Терри директора Гарри Уорда, которому не понравился подрывной тон рассказа, о чем он сообщил на собрании, сделав наилучшую рекламу из всех, что были возможны, в результате чего весь тираж журнала полностью раскупили.

Успех «Деловых конкурентов» оказал вдохновляющий эффект на юного Терри, подтвердив довольно давно появившуюся у него мысль: он может писать и у него *неплохо* получается. Он сочинил еще несколько рассказов для *Technical Sygnet* – хотя «Деловые конкуренты» так и остался лучшим, – экспериментируя с различными стилями и жанрами. Из тех, что сохранились, в «Посмотрите на маленького дракона?» вновь возникает персонаж Тигель из «Деловых конкурентов», это любопытная, рассказанная от первого лица история о появлении дракона в лондонском военном министерстве, что было либо злой пародией, либо знаком уважения Артуру Конан Дойлу и его рассказам о Шерлоке Холмсе. В «Исследователе», появившемся в том же номере журнала, говорилось о человеке, который расследовал происхождение необычных историй и в результате сам оказался участником одной из них. «Разгадка»²³

²² Ее муж считает, что отголосок прочтенных ею стихов живет в персонажах шотландского происхождения Пратчетта – таких, как Нак-мак-Фигли. (Примеч. авт.)

²³ Перевод М. Сороченко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.